

184(2Рос-Рус) 6

К К 78

Катяняна
Крюкова

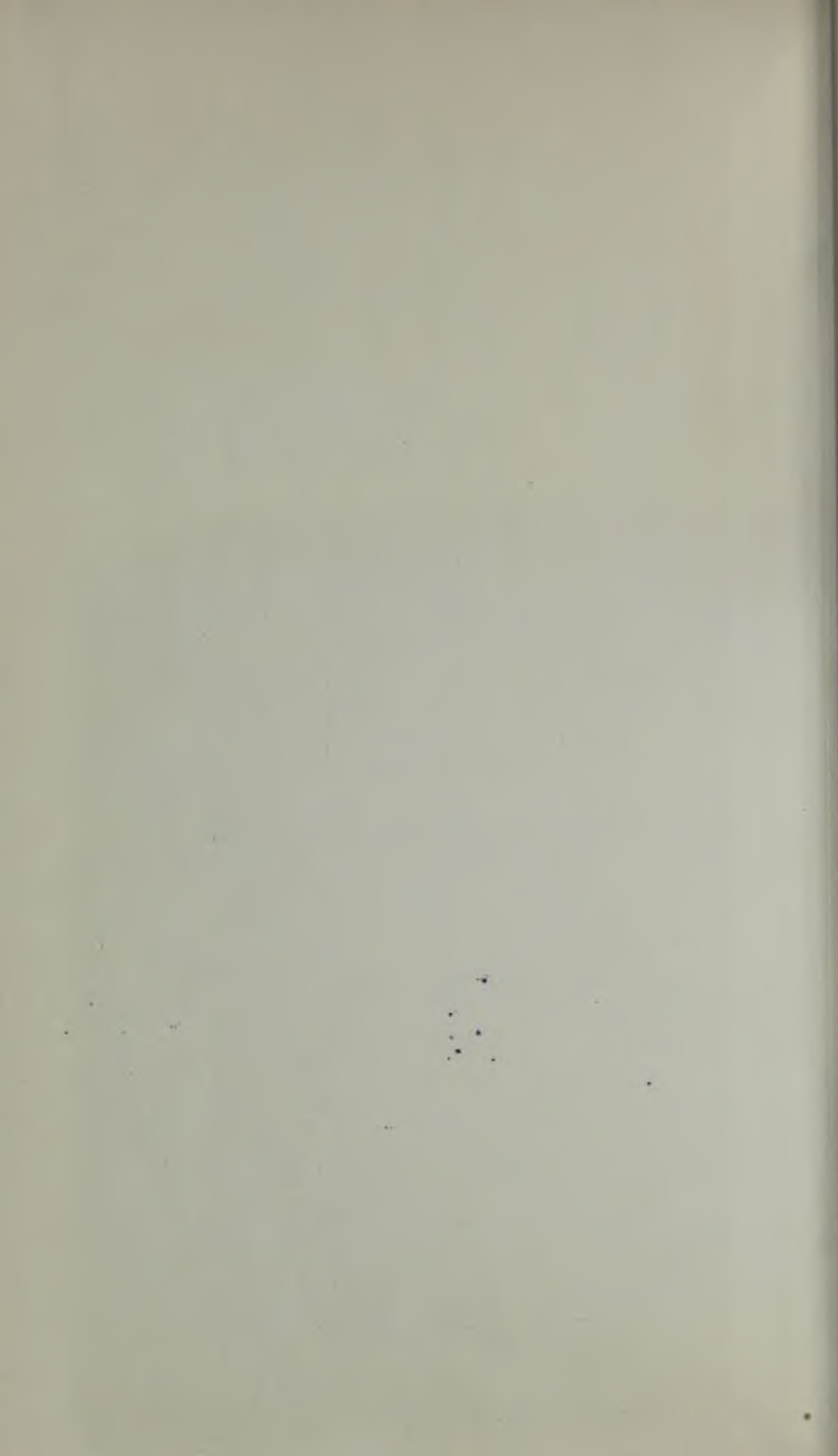
РОЩЕНЫЕ

Заплаканный август стоит за окном
В слезах и в дождях, и в печали.
Разлучница осень блеснула цевьем,
И лебеди вдруг закричали.

Их нежный волнующий голос грудной
Встревожил меня и окрестность.
И ревность крадется — убийца ночной,
А вместо ножа — неизвестность...

П Катабьяна Крюкова РОЩЕНЬЕ

Книга стихов

Эксп. Макс. Лис. я | КО
окружная библиотека

- 34663-3

Предприниматель Ю.Л. Мандрика
Тюмень, 1998

ББК 84.5

К К 78

1082

Р4(2Рос=Рус)6

К 78 КРЮКОВА Татьяна Ивановна. Прощенье: Книга стихов. — Тюмень: Предприниматель Мандрика Ю.Л., 1998. — 128 с.

Жестокому нашему веку так мало досталось бы любви, если бы не выростала в человеческих душах Поэзия. Находить высокий смысл бытия в сплетении цветов и трав, ветвей деревьев и морозных узоров, вновь и вновь восхищаться первым снегом и птичьими голосами, угадывать судьбу по «ладошке» кленового листа — это и есть чудо поэзии, живущее в стихах Татьяны Крюковой.

- © Крюкова Т.И., 1998.
- © Управление культуры администрации ХМАО (издание), 1998.
- © Предприниматель Мандрика Ю.Л. (оформление), 1998.

ISBN 5-93020-003-3

Выражаю искреннюю благодарность отделу культуры администрации Ханты-Мансийского автономного округа, сотрудники которого заметили меня и дали возможность выйти к людям с этой книгой — итогом моей жизни.

Личная признательность Ивану Сидоровичу Кошкину — энтузиасту развития культуры в округе.

Автор

О себе

Эпиграфом к моей жизни могли бы стать слова поэта Константина Ваншенкина из стихотворения «Надпись на камне в горах», которые поразили меня много лет назад и запомнились, быть может, неточно, но своей страшной сутью:

*Тяжелей всего узнать заботу —
Вдалеке от родины прожить,
Делать нелюбимую работу
И с нелюбимой женщиною жить.*

Точнее ни одна цыганка не смогла бы предсказать. Мне пришлось испытать тяжесть колеса Судьбы и неотвратимость колеса Истории. Парадоксально, но отношу себя к счастливым людям, ибо творчество — высшее счастье на земле. Жаль только, что мои духовные залежи были не востребованы обществом, они просто пробились родником из-под земли, не находя иного выхода. России вечно не до нас.

Родилась я в Татьянин день, 25 января 1947 года, в г. Рассказово Тамбовской области, на родине отца, но детство и юность прошли в Молдавии, где мой отец, Житенёв Иван Яковлевич, демобилизовался. Он был военным летчиком, штурманом авиации дальнего действия, участником Парада Победы 1945 года. От отца во мне — любовь ко всему живому, был он страстным голубятником и охотником. Мама, урожденная Роза Алек-

сандровна Блинникова, редкой красоты метиска, одарила меня своей добротой и склонностью к романтике. Она рано научила меня читать, много читала вслух, от нее во мне любовь к художественному слову, мечтательность. Мамина мать, Ольга Петровна Кантеладзе, грузинка, незабываемая моя бабушка, рассказывала мне сказки, а больше — истории из своей жизни, которые были интереснее и неожиданнее всех сказок. От нее у меня стойкость к жизненным невзгодам, а было их мне отмеряно полной мерой, не скупясь.

Родители мои вместе росли, были одноклассниками, чью юность опалила война. Они были запоминающейся парой: высокие, стройные, красивые. Прекрасно пели дуэтом под гитару, непревзойденно танцевали вальс-бостон. Безумно любили друг друга, но жили как кошка с собакой. Отец пил. Злую шутку с ним сыграли «наркомовские сто грамм» (отсюда изломанные судьбы, искалеченное детство, проклятый комплекс неполноценности, навсегда придавивший меня к земле).

К несчастью, водка погубила не только нашу семью, но и всю Россию.

В двадцатилетнем возрасте я поступила в институт. Учеба раздвинула горизонты, изменила мои представления о жизни, дала толчок развитию души и способностей. Я увлеклась лесной скульптурой, писала стихи.

В 1971 году я окончила Бельцкий государственный педагогический институт имени Алеку Руссо в Молдавии и последующие семь лет преподавала в нем историю изобразительного искусства и методики на двух факультетах: дошкольной педагогики и начального образования.

Далее — черная полоса в моей жизни: бедность, изгнание, тяжелый труд, отверженность. Вначале на Север уехали семьей на заработки, а в 1992 году — окончательное вынужденное переселение на Север из родной Молдавии, где шла война. Все последующие годы — испытание на прочность: была метеорологом, телефонисткой, лесником, прачкой, птичницей, телятницей, уборщицей — это венец моей карьеры. Теперь без работы. Обстоятельства стискивают горло, но не сдаюсь, знаю, что в таком положении миллионы моих соотечественников. Дай нам Бог терпения и надежды!

Татьяна Крюкова

7

О поэзии

Татьяны Крюковой

Я назвала бы ее попутчицей. С такой искренностью раскрыта в стихах жизнь ее Любви, так образно и пронзительно передано в них ожидание встречи со Счастьем, что происходящее вокруг порой перестаешь замечать, остается только волнующее сопереживание женщине, хрупкой душе которой доступно так многое понять.

Так бывает: встретится в дальней дороге человек, неожиданно доверивший случайному попутчику самое сокровенное, и уже по-новому видится собственная жизнь, и единственная эта встреча далеким огоньком теплится в памяти.

Жестокому нашему веку так мало досталось бы любви, если бы не выростала в человеческих душах Поэзия. Находить высокий смысл бытия в сплетении цветов и трав, ветвей деревьев и морозных узоров, вновь и вновь восхищаться первым снегом и птичьими голосами, угадывать судьбу по «ладошке» кленового листа — это и есть чудо поэзии, живущее в стихах Татьяны Крюковой.

Своеобразный поэтический дневник сложился из самых первых строчек и зрелых стихотворений дня нынешнего. Прожитая великой Лю-

бовью жизнь полна испытаний и разочарований, отчаяния и тонкой иронии. Как в печальном сне, разводят дороги близких людей на годы и расстояния. Всякий раз возрождаясь из пепла, женское сердце находит силы понимать, прощать, ждать и надеяться. Пожалуй, стихи Т. Крюковой об этом.

Автору дан судьбою дорогой дар — умение за-
жечь на небосклоне свою звезду, имя которой
— Любовь.

Галина Хорос

У зеркала

Я больше не ищу твоей любви,
Смирилась, наконец-то, с невозможным!
Пред зеркалом, печальным визави,
Причесываюсь гребнем осторожным.

И волосы стекают по плечам,
Слегка посеребренные луною.
Нет, я не плачу больше по ночам,
Что жизнь твоя проходит стороною.

Любовь уже оставила меня,
Отхлынуло от сердца вдохновенье.
Я молча созерцаю разрушенье
Прекрасного когда-то бытия.

Напоминает память: все цвело,
Безумным тайным цветом бушевало!
Душа моя любовью истекала...
Чему же верить, если все прошло?

А звезды так же падают в окно,
И вдаль уводит сосен колоннада...
Что это было? Кара иль награда?
За что так много было мне дано?..

1986 г.

Телефон

Звонок некстати. Дома вся семья.
И ты, своей досады не тая,
Снимаешь трубку... Знай же: это я.

«Я слушаю... Алло... Алло... Алло?» —
Твой голос, как летящее крыло,
Невольная в нем ласка и тепло:
«Алло! Алло! Алло?!»...

А я молчу, от робости немею.
Так много я хочу тебе сказать!
Хочу тебя по имени назвать,
Но никогда, наверно, не посмею...

Ты ждешь ответа, затаив дыханье...
О, если б знал ты, что таит молчанье:
Оно и боль, оно и крик отчаянья,
Что вырвался из губ моих нечаянно...

Порой душа моя темным-темна, как ночь,
И лишь твой голос может мне помочь.

1974 г.

Тревога

Заплаканный август стоит за окном
В слезах, и в дождях, и в печали.
Разлучница осень блеснула цевьем,
И лебеди вдруг закричали.

Их нежный волнующий голос грудной
Встревожил меня и окрестность.
И ревность крадется — убийца ночной,
А вместо ножа — неизвестность.

Ах, только бы мне эту ночь пережить,
При солнце рассеются бредни.
Когда же научимся мы дорожить
Дарованным днем, как последним?

Предутренный ветер сквозит холодком,
Ночные тревоги уносит.
Но сердце тоскует, ты знаешь о ком,
Отчаянно радости просит.

Кто счастья не знал —
Не испытан огнем.
Счастливым живется тревожно.
Серебряным лебедь ударит крылом,
Его удержать невозможно.

Любимый, я вся — предосенний пейзаж.
Смотри, оглянулся прохожий...
И делают судьбы смертельный вираж,
На «мертвую петлю» похожий.

1996 г.

Романс

Я с Вами говорю на языке цветов,
На языке дождей и ожиданий.
Все высказать хочу, но не хватает слов,
Настурции горят огнем признаний.

Я вспоминаю Вас, хоть мы так далеки,
Нас разделяют время и события.
Но стоит утром мне увидеть васильки,
И не могу весь день Ваш взгляд забыть я.

Да надо ли внимать суду людской молвы
И стоит ли считать свои промашки?
Мне хочется узнать, что чувствуете Вы,
Но лгут золотоглазые ромашки.

Я с Вами говорю на языке ветров,
И снится мне, что получаю письма.
Наверное, и Вам, чтоб выразить любовь,
Достаточно вполне кленовых листьев.

Я думаю о Вас. Чтоб образ Ваш сберечь,
Не отвлекаюсь на другие темы.
Вас осень ждет и я,
А счастье наших встреч
Вдали сияет солнцем хризантемы.

1996 г.

Детство

А мне опять все чаще снится,
Что я брожу в березняке,
И осень сказочной Жар-птицей
Трепещет у меня в руке,

И будто превратились в сосны
Все телеграфные столбы,
И что опять мы утром росным
Уходим с дедом по грибы...

Когда под южным солнцем осень
Струится пламенем волос,
Мне ветер эти сны приносит
Из детства —
Так уж повелось.

1963 г.

Осеннее

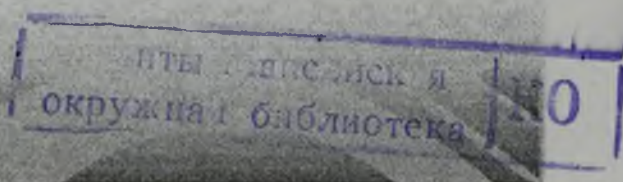
Я оглянусь. Меня обступит осень,
Внезапно опьянит, заморозит:
С нагих ветвей стекает неба просинь,
И ветер листья в воздухе кружит.

И тишина подобна изумленью
Такой недолговечной красотой,
Все создано легко, по вдохновенью,
Одним движеньем кисти золотой.

Здесь таинства прекрасные вершатся,
Деревья излучают теплый свет,
Бесшумно листья на траву ложатся...
Так было и так будет много лет...

И сердце благодарно листопаду
Восторгом переполнилось, зашлось...
Я принимаю осень, как награду,
За все, за все, что в жизни не сбылось.

1975 г.

-54663-3

На память

Останется лишь запах хризантем,
Их трепетная лунная прохлада.
И в волосах моих листок из сада,
Что назывался ласково: Эдем.

И незаметно в прошлое уйдут
Прекрасные старинные аллеи,
А в новых — кипарисов мавзолеи
Лишь поэтичность кленов подчеркнут.

1995 г.

Реинкарнация

Зачем вы посетили нас?..

А.С. Пушкин

Кто ведает, откуда я пришла,
Куда теперь иду стезей изгоя?
Перед глазами — светлые покои,
В которых я давным-давно жила.

И дразнят память музыка и смех,
Какие-то балы и маскарады...
Там шаг мой помнят комнат анфилады...
Перо, бювар старинный под орех,

Молитвенник, закапанный свечой,
На полочке — любимые романы:
В них ни намек о судьбе Татьяны...
Мой стан затянут чопорной парчой...

Я помню, как внезапно ты вошел,
Упали пальцы в клавиши рояля!..
За окнами на цыпочках стояли
Кусты сиреней, вздрагивал их шёлк...

Нас гибельный дуэта нес поток:
Дыхание твое — у самой шеи...
И аромат редчайшей орхидеи...
И по спине — восторга холодок!

Сожаление

А женщинам так нужно поклоненье!
Такое, как в былые времена.
Нас к жизни возрождает вдохновенье,
Мы от него хмелеем без вина.

И благосклонно слушаем сонеты.
Так некогда внимала Натали.
Но где они, кудрявые поэты?
Ужели в поединках полегли?

И никогда воскреснуть не посмеют,
Чтоб снова жизнь за женщину отдать?
И руки наши белые грубеют,
Не принято их больше целовать...

Мы — статуи, живущие под крышей,
Мы — меркнувшие лики красоты,
Печалимся, что нам уже не пишут:
«Я помню... предо мной явилась ты...».

Вам не понять печали этой светлой,
Которую мне осень принесла.
В такой же день, простой и неприметный,
Моя любовь сквозь Вашу жизнь прошла.

А вы, поди, уже совсем забыли
Кленовых листьев терпкий аромат?
Стряхните с Вашей памяти слой пыли
И оглянитесь чуточку назад.

И вы увидите в осеннем небе просинь,
Услышите листвы озябшей дрожь
И вдруг поймете — это та же осень!
Вот только день тот светлый не вернешь!

1972 г.

* * *

Я оттуда пришла, где березы,
Словно девушки, стали в ряд,
Где живыми алмазами росы
На лугах по утрам горят,

Где над тихой рекою ивы
Косы девичьи расплели,
Где шумят золотые нивы,
В пояс кланяясь до земли.

1963 г.

Прикосновение

Вот и осень уже умерла,
И к деревьям зима прикоснулась.
Я бы многое отдала,
Чтобы вновь наше лето вернулось,

Чтоб вернулась та ночь, тот рассвет,
Что с тобой мы встречали впервые,
Чтоб жасмина притихший букет
Осыпал лепестки восковые.

1973 г.

Размышления в музее

Как жить, когда забыта красота,
Поруганы священные основы?
Мужчины прозаичны и суровы,
А с женщин грубо сорваны покровы...
Любовь уже не тайна, не мечта...

Те дни прошли, растоптан целый мир,
Когда слагали женщинам сонеты,
Дарили бриллианты и планеты,
Благоговейно их несли кареты,
И руки целовал им сам Шекспир...

Прошли века, оставив нам с тобой
Воспоминанья, образы, обломки...
Не помнят огрубевшие потомки,
Как Блок сходил с ума по Незнакомке,
И Неизвестной кланялся Крамской...

(Любимых лики в зеркале времен,
Портреты гениальные молчали,
Бессмертные в чарующей печали...).
Бывало же! Коронами венчали!
О, Клеопатра, где теперь твой трон?

Всесильные мужи — у ваших ног,
Богатые вам золото сулили,

Несчастливые лишь о любви молили...
И все ушло. И обо всех забыли,
Все обратилось в прах или в песок...

Невежество, беспомыслие грядет:
Ужель забудут Фрину, Афродиту,
Мадонну Рафаэля, Криатиду
И профиль марсианки Аэлиты,
И Ники восхитительный полет?

Марии чистой светлые черты
Растаяли. Теперь в чести блудница...
Вульгарно размалеванные лица...
И непонятно, как могло случиться,
Что вечное в плену у суеты?

Унижены сестра, невеста, мать —
Святое бескорыстное начало...
А каждого в руках она качала,
Жалела и любила, выручала...
Как смеем мы об этом забывать?

Прости нас, небо! Пусть вернутся вновь
Пресветлые чудесные мгновенья
Восторга неземного, удивленья,
Безумства, целомудрия, почтенья...
И тайной тайн останется любовь!

1997 г.

Прости

Прости меня, нелепую, смешную,
За то, что я тебя всю жизнь ждала,
Что шла тебе навстречу я вслепую,
А стать любимой так и не смогла.

Прости за то, что не умела сниться,
За то, что цветом глаз твоих жила,
Что счастье собирала по крупичкам,
А сохранить нисколько не смогла.

Прости за все, что пела, говорила,
За то, что просто женщиной была.
Прости, что годы я поторопила
И юность для тебя не сберегла.

Прости мне наши встречи и разлуки,
Прости, что подошла к твоей судьбе,
Прости глаза мои, и волосы, и руки,
Что, как слепые, тянутся к тебе.

Прости мои ворованные ласки,
Прости мне письма из шести страниц,
Прости за то, что верила я в сказки
И что тебя придумала, мой принц.

Прости меня за все, что было летом,
За то, что я порывистой была.
Любовь мою прости, что поздним цветом
Так долго под окном твоим цвела.

1974 г.

Дни

Ах, боже мой, стоят такие дни!
Такие свищут ветры голубые!
И листья, словно бабочки живые,
Летят в ладонь, лишь взглядом помани.

Отчаянной прощальной синевой
Наполнились страдающие очи...
И больно жжет огонь безумной ночи,
Снег простыней, их холод гробовой.

Мне больно, что стоят такие дни,
Исполненные тихой благодати,
Сияющие золотом некстати,
И их не удержать, не сохранить.

Бунтует моя осень пред зимой,
Цветет в груди незваной чаровницей...
И красота — что впору ей молиться,
Стоять. Смотреть. И плакать... Боже мой.

1991 г.

Полет

Я — в однокомнатном раю
У Ойкумены на краю,
Соседи пьют над головой,
А за стеной — собачий вой.

Мне неуютно наяву,
Я здесь живу и не живу,
Поманит Муза в голубом —
Я покидаю старый дом

И устремляюсь вслед за ней
Под сень давно минувших дней...
А нет ее — я страстно жду
Здесь, в однокомнатном аду,

И в ежедневной суете
Страдаю, будто на кресте...
Но знак она мне подает,
И... начинается полет.

Совсем не страшно в облаках —
Дрожат дождевки на висках,
И так свободно дышит грудь.
Звезда указывает путь...

А там — сияющая даль:
Фонтаны... Музыка... Версаль!

Осень

*Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень — рыжая кобыла — чешет гриву.
Сергей Есенин*

Люблю я Осень, мою кобылу,
Что чешет гриву да по обрыву...
Все злато мира к ногам уронит,
Оплачет дождик, зима схоронит.

Умчимся, Осень, в пожары, в клены,
Где страсть тоскует непогребенной,
А жизнь, как встреча, не состоялась,
Все обещала — лишь посмеялась...

Любовь-лавина прожгла бы камень!
Неумолимо: мы — лед и пламень.
Мы шли по жизни, но параллельно,
Одновременно, но все отдельно:

Скупые зимы и вихри-весны...
Не там, где надо, бросали блёсны,
Добыл ты рыбку да золотую,
С ней и остался... Я не ревную.

От прежней раны — лишь шрам глубокий.
Меня ты вспомнишь, мой одинокий...

Со мной же — Осень. В любое время
Я только свистну — и ногу в стремя!

Сольется грива ее с моею:
— Мне больно, Осень, вперед, скорее!
И дальше, дальше! Лишь ветер свищет...
Но нас обеих никто не ищет...

Ответ

Открыточка. И больше ничего.
Да я и не ждала, что ты напишешь.
Во мне давно все пусто и мертво.
Дождь за окном. А ты его не слышишь.

Наш город без тебя и пуст, и нем,
И как-то обезличились все лица.
Возможно, ты забыл меня совсем,
Оно понятно — цирк, друзья, столица.

А мне здесь одиноко и темно,
Дождливо, неуютно и тревожно.
И я тебя забыла бы давно,
Но это, к сожаленью, невозможно.

Я образ твой стараюсь отогнать,
Он, как назло, ясней и неотступней.
Ну а тебе меня ли вспоминать?
Там, верно, есть моложе и доступней.

Да полно! И твоя ли в том вина,
Что стало на земле любовью меньше,
Что в грустный замок свой заключена,
Как говорил ты, лучшая из женщин.

1974 г.

Зима

На нехитрые наши дома
Опустилась неслышно зима.
Как ее ни зови, как ее ни встречай,
А приходит она невзначай.

Тихий снег приглушил мою боль.
Я играю привычную роль:
Машинально хожу, говорю и смеюсь,
Пред тобой оступиться боюсь.

Мои сны — это зимние сны,
И я знаю — не будет весны.
И весна, и цветы, утро ясного дня —
Будет все, только не для меня.

Мир мой холоден будет и чист,
Словно белый нетронутый лист.
Коль судьбы карандаш в нем оставил
свой след,
Я небрежно сотру твой портрет.

Мои дни — это зимние дни.
Так безропотно гаснут они.
Вечера коротаю у тусклой свечи
И уже не летаю в ночи.

1979 г.

Дорога

Как хорошо, что у меня
Есть эта дальняя дорога
И эта ветхая берлога
Как островочек бытия.

Как хорошо, что день за днем
И шаг за шагом, понемногу
Мы приближаемся к порогу,
Где от страданий отдохнем.

Где станет ясно: все обман,
А люди хуже, злее, ниже...
Уйдем от них. И пусть туман
Нам раны ласково залижет.

1978 г.

Душа

Душа, как дом забытый, опустела...
А может, вместе с птицами на юг
Лечить свой затянувшийся недуг
Она на крыльях скорби улетела.

Факт в том, что я осталась без души.
И твои чары надо мной не властны,
Глаза твои мне больше не опасны,
Хотя они, как прежде, хороши.

Пусть наглухо зашторено окно,
Пусть радуется женщина другая...
Я разумом холодным понимаю,
Как все это ничтожно и смешно.

1984 г.

В моей душе царит любовь,
Сияет чистою лампадой.
И за вечерним снегопадом
Мне видится далекий кров,

Тот, где живешь ты без меня, —
Простая ветхая избушка,
Где мать, смиренная старушка,
Хлопочет тихо у огня.

А мне здесь холодно, темно.
И что ни ночь — измена снится.
Моя печаль замерзшей птицей
Ударится в твое окно.

Ты сердцем вздрогнешь, загрустишь,
И вспомнишь ласковые руки,
И поторопишь дни разлуки.
Я жду. Я верю — прилетишь!

Все верно: от любви не умирают.
О ней лишь песни грустные поют.
И если в сердце звезды догорают,
В колокола прощальные не бьют.

А если жизнь наполнена страданием,
Неутолимой жаждой и тоской?
А если все слилось в одно желанье —
К твоей щеке притронуться рукой?

А если, онемевшая от боли,
Я все бегу от глаз бездонных прочь?
И белые цветы растут, как в поле,
В моей душе. И озаряют ночь.

1976 г.

Розовая чайка

*А ты, душа... душа глухая...
Пьяным-пьяна... пьяным-пьяна.
А. Блок*

Вот и моя душа пьяным-пьяна...
Страдания свежи и не забыты.
Жизнь многолика, а любовь одна.
Она в пыли. И крылья перебиты.

Сквозь наши повседневные дела,
Что заполняют сплетни, ссоры, дети,
Она мечтой загадочной прошла
И умерла, как чайка, на рассвете.

И ты ее не поднял, не согрел,
Не замер, изумленный этим чудом,
И защитить ее ты не посмел,
Когда ее назвали «бабьим блудом».

И невдомек мне, в чем ее вина,
Что в жизнь она непрошенно ворвалась.
Иль, может, чересчур была сильна?
Или не в то окошко постучалась?

Ну, а теперь не надо, не смотри.
Тебе и так не раз еще приснится,
Как тихий розоватый свет зари
Сквозь перья белоснежные струится.

1970 г.

Отступничество

Я уношу с собой свою беду.
Закроем же последнюю страницу.
Я никогда к вам больше не приду
И, вероятно, не смогу присниться.

Останется со мной моя печаль,
Как отзвук голубой виолончели.
Мне вашего отступничества жаль,
Оно сродни кощунству Боттичелли.

Взгляните же — я с ног до головы,
Быть может, ваше лучшее творенье!
Меня однажды сотворили вы
В неистовом порыве озаренья.

Ведь это вы, тому уж десять лет,
Меня от летаргии воскресили,
Вдохнули жизнь и засветили свет
В моей душе. И сами ж погасили.

И бьётся сердце как осенний лист,
И хлопает простреленной мишенью.
Мне жаль, что так легко вы отреклись
И предали любовь мою сожженью.

1977 г.

Измена

В невидимом костре сжигают мою душу.
Немыслимая боль стекает по щекам.
Пусть корчится душа — обет я не нарушу,
Измену не прощу ни людям, ни векам.

Вот пламени язык лизнул нагую нежность,
Вот преданность моя подернулась золой.
И жгучим огоньком скатилась в неизбежность
Бессмертная любовь. Она была слепой.

Она меня вела в загадочные дали,
Светила мне в ночи хрустальной звездой,
Умела утешать и в горе, и в печали.
Доверилась я ей. Она ж была слепой.

Заезженный сюжет: нелепый, глупый случай
Разрушил целый мир, волшебный и святой.
Любимый мой, живи, живи, себя не мучай,
А горький пепел мой развеешь над землей.

Я приду

Я приду к тебе строгой такою,
Я приду холоднее звезды.
Отогрей. Уведи за собою
В мир Искусства, Добра, Красоты!

Уведи меня в гулкие залы,
В тишину, где царит Красота,
Где из мрамора воскресала
Человеческая чистота,

Где полотна, как жизни страницы,
Где талантливые чудаки.
Подари мне свой мир. Он мне снится...
Только ты не подашь мне руки,

Защитить меня не посмеешь,
Сделать другом своим не рискнешь.
Ты во мне свою гордость лелеешь,
Белизну парусов бережешь.

1967 г.

Не сбудется

Я знаю, что это не сбудется,
Я знаю, что это лишь бред:
Не будут ночные улицы
Смотреть нам завистливо вслед.

Не будет обряда венчания
В торжественных сводах ночи.
И нежности глаз. И молчания
В неясном мерцанье свечи.

Не будешь признаний заветных
Притихшему сердцу шептать,
И струны волос моих медных
Задумчиво перебирать.

Я знаю, что это не сбудется,
Я знаю, что все это бред:
Не будут ночные улицы
Смотреть нам завистливо вслед.

1967 г.

Кручина

Уж как ляжет на сердце кручина,
Белый свет заслонивши собой,
Знаю — где-то страдает мужчина,
Что мне в пару назначен судьбой.

В небесах заключаются браки,
Ну а люди торопятся жить.
И, целуя друг друга во мраке,
Не боятся ошибку свершить.

Обнаружат ее, роковую,
Когда розовый цвет опадет,
Больно врезавшись в душу чужую,
Эта боль никогда не пройдет.

И в тоске начинают метаться
И свою половину искать.
Те, кому удалось не сломаться,
Всех счастливей: им верить и ждать.

Но трагедия непоправима,
Даже если весь свет обойдем.
Мы с тобой незнакомы. И мимо
В сотый раз, вероятно, пройдем.

И тоска — наш удел неизбежный,
Снег ли, дождь ли в окошко стучит...
Знаю только — ты добрый и нежный,
Без тебя мое сердце молчит.

Расставанье

Есть в счастье сходство с перелетной птицей:
Она взмахнула ласково крылом.
Что не сбылось — пускай тебе приснится,
А мне пусть снится только о былом.

Мы расстаемся. Я полна печали.
Так много в этой жизни не сбылось:
Ни разу мы рассветы не встречали,
Ни снегопадов не было, ни гроз.

И все же эта жизнь была прекрасна!
Благодарю за щедрость светлых дней.
И думаю, что вовсе не напрасно
Моя судьба пересеклась твоей.

1973 г.

Наважденье

Клянусь себя за это наважденье,
За поцелуев яд и взглядов боль.
Клянусь безумство я и наслажденье —
Мне не к лицу смешная эта роль.

Клянусь восторг свой глупый, непонятный,
Меня всерьез пугает эта страсть.
И если б знал ты, чистый, ненаглядный,
Как я боюсь в глазах твоих упасть.

1973 г.

Отражение

Пусть целый мир живет в глазах твоих.
Мне дорог этот мир как отраженье.
В прозрачной глубине озер лесных
Весны моей тревожной пробужденье.

И пусть живут в них отблески зари
И тихих звезд холодное свеченье...
Кто глаз твоих придумал наважденье.
Безумный Врубель? Сент-Экзюпери?

1973 г.

Черемуха

Все в душе ликовало и пело.
Ты меня целовал, уходя.
А вернулся с черемухой белой,
Чуть сырой от ночного дождя.

И в душистое облако лета
Белопенные грозди слились,
А глаза родникового цвета
Мне безмолвно в любви поклялись.

От черемухи в комнате тесно,
От черемухи сердце — вразнос!
Мне с тобой хорошо, интересно,
Все у нас глубоко и всерьез.

1988 г.

Разочарование

Вас, мой развенчанный король,
Всю жизнь под сердцем я носила.
Но столь возвышенная роль
Вам оказалась не по силам.

Спасибо за несбытность встреч,
За все, что не было и было.
Усталость ваших глаз и плеч
Мне очень многое открыла.

Теперь я вижу — вы не тот
Бунтарь, задира и ваятель:
В искусстве вашем есть полет,
Ну а в любви вы — обыватель.

Вам недоступны глубина
И высота моих стремлений,
Вас покоряет новизна
И смена ярких впечатлений.

Калейдоскоп красивых лиц,
Порой сменяющих друг друга...
А я уже упала ниц,
Я кем-то выбита из круга.

Забыта прочно, навсегда.
Я больше жизни вас любила.
Но чья-то новая звезда
Вас ненадолго ослепила.

1977 г.

Поражение

Я снимаю осаду
С цитадели твоей —
Неприступного града
Моих дней и ночей.

Ни мольбою, ни силой
Не войти в этот храм.
Двадцать лет я просила:
«Приоткройся, Сезам!».

Мир тебе, незабвенный,
Полный сладостных грёз.
Неприступные стены
Воздвигал ты всерьез...

Признаю поражение,
Головы не клоня,
Знаю — воображенье
Обмануло меня.

1987 г.

Мысли

Мысли о снеге, о друге, о бреге
И о замерзшей реке.

Мысли о юге, о солнце, о друге,
Что от меня вдалеке.

Падает, падает снег на ресницы...

Нас разделяют века.

И не разбить нам хрустальной гробницы,
В коей застыла река.

А берега далеки, молчаливы.

Здесь, на ее рубеже,

Оба мы живы, пока еще живы,

Но не столкнемся уже

Ни наяву, ни во сне, ни случайно

И не посмотрим в глаза.

А на щеке, как жемчужина, тайно

Окаменела слеза.

Мечутся мысли в смятенье, в испуге,
Как старых писем зола.

Я остаюсь в заколдованном круге.

Жизнь стороною прошла.

1995 г.

Отчуждение

Страшусь презренья твоих глаз,
Неумолимую их просинь.
Наверно, каждого из нас
Внезапно настигает осень.

Ничто не вечно. Ну и пусть
Все похоронит листьев замять.
И в сердце прокрадется грусть
Непостижимая, как память.

А мы с тобой забвенья пьем
Глотками жадными, большими,
Тоскуем каждый о своем
И притворяемся чужими.

Утраты

Я вижу, что утратам нет числа!
Все чувства в состоянии заката...
Как грустно, что разлука унесла
Все, чем мы были счастливы когда-то.

Была такая долгая зима...
И вот уже растаял саван белый.
Мы оба живы, не сошли с ума,
Но сердце как-то страшно онемело.

1984 г.

Первый снег

Бездонно-синим и безбрежным
Я небо видела во сне,
И будто лебедь белоснежный
Спустился на руки ко мне...

Проснулась: белое величье
Сияет строгой красотой,
Мир за ночь поменял обличье
И ослепляет чистотой.

Как оперенье царской птицы,
Снега пушистые легки,
И лес задумчиво глядится
В стальное зеркало реки.

Во всем царит покой и нега,
Благоговейна тишина.
И запах молодого снега
Пьянее старого вина.

1986 г.

*Сонет**Р.Ю.В.*

Божественная ночь! В снегу твой легкий след.
Над ним луна распластана, как птица.
В морозных кружевах искрится лунный свет,
И звездный шепот в душу мне струится.

В излучине реки застыл стеклянный лес,
На всем печать невысказанной тайны.
Прозрачна синева загадочных небес
И капли звезд на куполе хрустальном.

Но на лицо луны опустится вуаль,
И ночь не удержать за пояс млечный.
Прекрасна жизнь! И ничего не жаль,
Пусть все идет своим путем извечным.

Померкнут чары ночи, и восток
Зардеет, будто розы лепесток.

1986 г.

Побег

Эх, умчаться бы в бешеной тройке
В колдовскую безлунную ночь
От угарной и шумной попойки,
От веселья цыганского прочь!

И нестись по снегам, без дороги,
И захлеб бубенцами кричать,
Чтобы кто-то безмолвный и строгий
Вдруг заставил меня замолчать,

Осадив на лету мои сани...
Чтобы сильную руку подал,
Глянул в душу твоими глазами
И меня б за собою позвал.

Одарил бы меня тишиною,
Легким звоном замерзшей сосны
И огромной нездешней луною,
Что вторгается вдруг в мои сны.

Подарил бы снегов белоснежность,
Подвенечных берез кружева
И свою молчаливую нежность,
Пред которой немеют слова.

1968 г.

Помнишь

Я уже не надеюсь на встречу,
И мне кажется даже порой,
Что приснился мне этот вечер
С тихой радостью и с тобой.

Помнишь небо, такое синее,
Звезды яркие, как во сне,
Все деревья в пушистом инее
И каток в голубом огне?

Взявшись за руки, мы помчались
За серебряным диском луны,
И деревья нам вслед шептались,
Разрушая хрусталь тишины...

1964 г.

Освобождение

Вот оно пришло, освобождение,
Едва растаял звук твоих шагов,
И ненасытный демон разрушения
Низвергнул моих призрачных богов.

Мир опустел... И наступила осень.
И нет забвенья в радостях простых.
И тихо ветер дни мои уносит,
Как ворох листьев странно-золотых.

1973 г.

Апрельские снега

Я от ночей бессонных устаю,
А на рассвете окна открываю
И боль свою внезапно забываю,
И ветру свои ласки отдаю.
Я не пою, я просто говорю,
Что ветру свои ласки я дарю.

А за окном холодная тайга,
В ней птицы почему-то не летают.
И долго под окном лежат, не тают
Холодные апрельские снега.
В моей душе такая же тайга —
Нетронутые белые снега.

В моей душе давно погашен свет,
И я весне войти не разрешаю.
Весь день себя делами оглушаю
И дымом бесконечных сигарет.
Напрасно всё, и утешенья нет,
Горьки печаль и дым от сигарет.

Там кто-то сердце распахнул весне,
А я здесь от тоски изнемогаю.
Ведь над тобой склоняется другая,
И ты ей улыбаешься во сне.
Я не пою, я просто говорю
Про женщину счастливую твою.

А мне остался розовый рассвет
И облаков холодное свечение.
Весь мир как будто создан в утешенье
За то, что для меня тебя в нем нет.
Не спорю я: прекрасен белый свет,
Но что мне в нем, когда тебя в нем нет?

1979 г.

«Я помню чудное мгновенье...»

Наяда и Тритон

Добрыня

Обручение (вид справа)

Обручение (вид слева)

Вдохновење

Aйседора

Лешый

Аленушка

Ильм

Бобовый король

Афина Паллада

Нимфа Калипсо

Мария Стюарт

Злая фея Карабос

Орлеанская дева

Чуо-Чуо-сан

Невесомость

Карменсита

Печальна

Откровение

Ангел-хранитель

Лесовичок

Шахерезада

Богородица

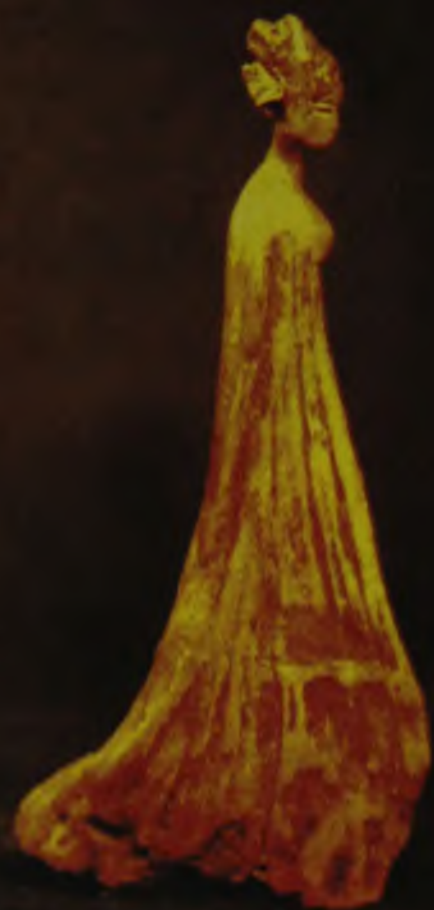
Демон

Душечка

Анна Каренина

Татъяна Ларина

Лебединая верность

Ympo

Лесная песня

Все в прошлом

Все в прошлом, и не стоит вспоминать,
И трогать затянувшиеся раны...
Но, боже, как прекрасны те романы,
Что жизнь успела нам насочинять!

Я помню все, что было так давно,
Как будто перелистываю главы...
Воспоминанье (слаще нет отравы)
Меня пьянит, как юности вино.

Подари

Подари мне одно только утро.
У себя ты его укради.
В розоватый туман перламутровый
За собою меня уведи.

Я пойду за тобой, как слепая,
В свое счастье поверив едва.
А в душе будет нежность такая,
Что пред ней побледнеют слова.

Знойный день нас в дороге нагонит,
И потопит нас солнце в лучах,
И прохладную нежность ладоней
Я почувствую вдруг на плечах.

Солнце голову запрокинет
И на землю вдруг упадет,
Горьковатая терпкость полыни
Ветром губы мои обожжет.

И покажется вечер мгновеньем,
И пора нам расстаться, уйти.
Мне бы глаз твоих удивленье
Спрятать в сердце и унести.

К черту жалость, не надо участия
И не надо так строго смотреть.
Подари сумасшедшее счастье,
Я от счастья хочу умереть.

Выздоровление

Я праздную выздоровление,
Освобождение и покой.
Меня не мучают сомнения:
Как быть с тобой, как быть с собой.

Я так желанна и любима,
Что незачем самой любить.
А если что невосполнимо,
Я приучу себя забыть.

Похоронить. И крест поставить,
И никогда не вспоминать.
Попробую себя заставить
Бумагу больше не марать.

Присяду в изголовье дочки
И стану сон ее стеречь.
Не напишу тебе ни строчки —
Скорее руку дам отсечь.

1975 г.

Пословица

*Полюбится сатана —
краше сокола ясного*

Я люблю тебя, лысого, грешного,
Потерявшего место в раю.
Твои рыжие очи насмешливо
Обморозили душу мою.

Проклинаю тебя, невысокого,
Перебравшего баб — не одну.
Говорят: сатана краше сокола,
Коль полюбишь его, сатану!

1977 г.

Старый дом

Бесшабашный ветер,
Не ломись в окно,
Видишь окна эти:
Пусто и темно.

Тихий и угрюмый
Старый этот дом.
Он, как мои думы
О былом.

Окна словно лица:
Потускневший взгляд.
В доме половицы
Больше не скрипят.

Музыка органная
Не звучит,
Молоток чеканный
Больше не стучит...

Лишь, как привидения
Прежних дней,
Здесь живут видения
Памяти моей:

Зябко, сиротливо
Жмутся по углам —

Грустные с счастливыми
— пополам...

Ах, не будь нескромен,
Не ломись в окно —
И в душе, и в доме
Пусто и темно...

1976 г.

Воспоминанья

Воспоминанья блекнут, как цветы,
Становятся размытыми, как фрески...
Дробятся, расплываются черты,
Колеблются, как тень на занавеске...

Я вспомнить не могу твое лицо.
Смеется память надо мною, что ли?
Но помню твои руки. И кольцо:
Массивное, реальное до боли.

1971 г.

* * *

Я изменилась, будто надломилась.
В душе давно иссяк источник слез.
Все чудится, что яду я напилась
Из чаши той, что ты мне преподнес.

Я сникла вся и говорю я тише,
В беседе вдруг утрачиваю нить.
И даже ростом вроде стала ниже,
Чтоб незаметней мимо проходить.

1971 г.

Кто виноват?

Не знаю я, кто в этом виноват, —
Минуты ль долгие бесплодных ожиданий,
Иль хризантем печальный аромат,
Иль горьковатый дым воспоминаний.

Но только я предчувствую беду:
Она уже случилась иль случится...
Я от нее не спрячусь, не уйду
И даже не смогу построниться.

1970 г.

Ожидание

Я так жду тебя, словно впервые.
Мне к твоим бы прижаться плечам.
И любовь моя, как ностальгия,
Не дает мне уснуть по ночам.

Мне все чудится глаз изумленье,
Мне все грезится плен твоих рук.
Отчего время счастья — мгновенье
И так тягостно время разлук?

Убежать бы к тебе, все забросив,
Для тебя обо всем позабыв...
В чем стою, босиком, через осень,
Мимо белых березок нагих...

Или, может, тропюю лосиною
Унести свой нечаянный свет —
Полыхнуть на ветру осиною,
Прочертив в твоей памяти след?

1970 г.

Милый друг

И. В. К.

Распахни свои карие очи —
Мы шагнули навстречу судьбе.
В моей жизни не будет и ночи,
Чтоб не вспомнила я о тебе.

«Милый друг, наконец-то мы вместе», —
Льются песни забытой слова.
Сердце тает, душа не на месте,
И пылает вовсю голова...

«Милый друг, наконец-то мы вместе», —
Я всю жизнь этой встречи ждала...
Вверим души прекраснейшей песне,
Сядем в лодку, возьмем два весла...

И по зыбкой зеркальной дороге
«Ты плыви, наша лодка, плыви...»,
Наша лодочка — месяц двурогий.
И глаза, как озера любви,

Переполнены счастьем и болью...
И стекает слеза на висок...
А твой голос, как шелест прибоя,
Когда волны ласкают песок.

«Милый друг, наконец-то мы вместе», —
До чего ж эта песня проста!
Как услышу — душа не на месте,
Будто встретились снова уста.

1979 г.

Потеря

Беден ты, ты любовь потерял,
Испугался, как все вы, мужчины...
Может, даже не понял причины,
Но бесславно, позорно бежал.

Я одна догорала в огне
Очистительного страдания...
Не нашла я тебе оправдания,
И любовь задохнулась во мне.

Ты бежал от себя самого —
Сжег мосты и захлопнул все двери...
Ты потери своей не измерил
И не понял еще ничего.

1972 г.

Печаль

Все-все, что было связано с тобой,
Хранится, будто в ящике Пандоры,
В моей душе, любовь моя и боль,
Счастливые мгновенья и укору,
И долгая безмолвная печаль,
Которая заполнила собою
Всю мою жизнь. Но ничего не жаль
И не в чем мне виниться пред тобою.
Любовь прошла, и жизнь почти прошла.
А то, что было иль казалось чудом,
Нечаянно я как-то сберегла —
Лежит мое сокровище под спудом
Тяжелых мыслей, невеселых дней.
И спит душа, храня печать молчанья.
Убийственны порой воспоминанья —
Не ворошу я памяти моей!

1986 г.

Бред

Может быть, ты в бреду,
Может, плохо тебе...
Только я не приду,
Я покорна судьбе.

Я тебе не родня:
Ни сестра, ни жена,
Ты зовешь не меня —
Я тебе не нужна...

Твоим жаром горю,
Пробуждения жду.
О любви говорю...
Ты прости... я в бреду...

1967 г.

Ливень

Желанный ливень землю оросил,
Когда она уже изнемогала:
Живое все от зноя изнывало
И каждый лист уже дождя просил.

Вдруг небо затянуло пеленой,
Промчался Зевс на быстрой колеснице, —
Притихло все и замолчали птицы.
И грянул грозный гром над головой!

Вначале ливень, будто пианист
По клавишам, лишь бегло пробежался,
Затем тугими струями сорвался,
Как струны арфы: строго сверху вниз.

Потом, казалось, шел уже стеной,
И с крыш стекал упругим водопадом,
И травы осыпал стеклянным градом
Огромных капель с радужной каймой.

И жадно пили нежные цветы,
Ожив, деревья распрямляли плечи.
И все дышало счастьем чистоты,
И радовалось этой бурной встрече...

Гроза утихла, тучи унесла.
Ты — рядом, потрясенный и счастливый.
Я помню, что любовь меня спасла, —
Она была щедра, как летний ливень.

Березы

Березы, что стоят по берегам,
Подвластны ветру: по его капризу
Сияющие царственные ризы
Упали к их божественным ногам...

Открывшаяся взору нагота
Так беззащитна, что ошеломляет...
Лилейную их кожу оттеняет
Раскошных черных елей красота...

Печаль небес. Костров осенних дым...
Окончен бал! И подана карета...
Прощальную улыбку — вспышку света —
Качнет волной стремительный Казым...

1997 г.

Октябрь

Еще так зелена трава...
Но принесла октябрь синица.
И все ажурней кружева,
Все молчаливей кружевница...

Еще на кончиках берез
Дрожат сердечки золотые,
Но не скрывает осень слез,
Роняет капли дождевые...

Она все знает наперед
И ждет трагической развязки:
Когда тропинки заметет
Снежинками из зимней сказки.

1997 г.

Post scriptum

Ты ждешь меня в чертогах золотых —
Плыву к тебе на облаке пуховом,
Единственный, и не обмолвлюсь словом
О всех своих страданиях земных.

С губ не сорвется ни один упрек:
Не время и не место укоризне...
И ты забыл, что некогда, при жизни,
Моей любовью горькой пренебрег.

1997 г.

Ноябрь

Опять и люди, и природа
Грустят о солнечной поре.
Такая серая погода
Бывает только в ноябре.

Рассветы серые лениво
Встают над серою землей.
Туман белесый кропотливо
Сплетает сети над рекой.

И лес задумался чему-то.
Не спит. И все кого-то ждет.
И небо серое как будто
Вот-вот на скирды упадет.

Кричат вороны оголтело,
И ждет зима своей поры,
Когда холодный дождик серый
Погасит осени костры.

1967 г.

Медовый месяц, март

Март волшебный, как сон голубой,
Чистый-чистый, едва из купели,
Весь хрустальный от звона капели,
Весь, как солнцем, наполнен тобой.

Задержись, мое счастье весеннее,
Хоть на кончиках пальцев берез!
Задержись в мире радостных грез,
Мой любимый с глазами Есенина.

1988 г.

Свидание с лесом

Дочери — Ренате Корецкой

Я словно вырвалась из плена
И на свидание спешу.
Прощенья у тебя прошу,
Мой лес, и преклоню колена.

Прости, что не была весной,
Волшебный миг тот пропустила,
Когда черемуха грустила,
Укрывшись свадебной фатой.

Дождинки теплые слезами
Стекали тихо в ручейки.
И незабудки у реки
Сияли чистыми глазами.

Прости, что летом не была,
Не ощутила дух сосновый:
На вековых стволах смола
Была прозрачности медовой.

А зной был мукой и отрадой.
И в цвет индиго небеса.
И облака, как паруса,
Скользили белою армадой.

Был слитком золотым песок.
Стрекозы били без промашки.
И на расплавленной ромашке
Уснул усталый мотылек...

Прости и здравствуй, мир чудес,
Старинных сказок и преданий:
Побольше бы таких свиданий
С тобой, мой древний русский лес!

Я здесь вдали от суеты,
От жадности людской и злобы.
От них мы пострадали оба,
Мой друг, мой брат, и я, и ты.

Теперь здесь осень. Тишина.
Лишь листьев падающих шорох —
Их под березкой целый ворох,
Она почти обнажена.

Рябина тонкая грустит
И машет гроздью алой-алой
Какой-то птице запоздалой —
Невесть куда она летит.

Здесь пахнет сыростью грибной,
Полыню, прелыми листьями.
Усыпан крупными плодами
Шиповник — ежик мой лесной.

Здесь, под осиною багряной,
Приходит Пушкин наизусть,
А левитановская грусть,
Как солнце, золотит поляну.

Здесь освещается душа
И боль обиды утихает,
Здесь раны лучше заживают
И думается не спеша.

Так и осталась бы с тобой
Под твоим кровом и защитой.
Мой лес, спаси меня, укрой
Еловой лапой перебитой.

1996 г.

Закат

Трагедия, ты стала мне сестрой.
Страдание — огонь того костра,
Где душу мне бессмертную сжигают,
А очи красотой земной прельщают.
И не пойму, где пытка, где игра.

Вот розовое облако мечты,
В закатно-золотой пылице цветы,
А вот любви чарующая скрипка...
Волнующе-таинственно и зыбко...
И в центре Мироздания снова — ты.

Та скрипка кущи райские сулит,
Смеется, и рыдает, и манит.
Влечет к тебе, как к солнцу, прикоснуться
И бабочкой обугленной вернуться,
Разбившись о души твоей гранит.

Любовь — игра, трагедия, дурман,
Рождающий волшебнейший обман,
Дающий жизнь, и смерть, и наслажденье.
Счастливец, кто познал ее мученья,
Безумец, кто попал в ее капкан.

Мне все равно — где завтра, где вчера.
И, кажется, закончилась игра,
Где душу мою светлую сжигают.

В закатном горне боль переплавляют
В поэзию, достойную пера.

Мой на земле земной окончен труд
И каторжно-тяжелый мой маршрут.
До дна испита чаша униженья.
Обидчикам своим дарю прощенье.
Я буду жить, как ангелы живут.

1996 г.

Последняя встреча

И снова взорвана плотина,
И в сердце хлынула любовь...
Меня затягивает вновь
Янтарных глаз твоих пучина.

Я знаю — нам не суждено
Из замкнутого выйти круга,
Но мы нашли с тобой друг друга —
И это праздник все-равно.

Недолгий, грустный, может быть,
Ведь он в преддверии разлуки.
Но ты мои целуешь руки
И помогаешь все забыть.

Я так давно тебя ждала
И счастлива увидеть снова.
В тени подсолнуха золотого
Бывает счастлива пчела.

1987 г.

Оглавление

О себе	4
О поэзии Татьяны Крюковой	7

ПРОЩЕНИЕ. *Стихи*

У зеркала	9
Будь что будет!	10
Телефон	12
Тревога	13
Романс	15
Детство	16
Осеннее	17
На память	18
Реинкарнация	19
Сожаление	20
Юбилей	21
«Вам не понять печали этой светлой...»	22
«Я оттуда пришла, где березы...»	23
Прикосновение	24
Размышления в музее	25
Прости	27
Дни	29
Полет	30
Осень	31
Возвращайся	33
Ответ	34
Зима	35

Дорога	36
Душа	37
«В моей душе царит любовь...»	38
«Все верно: от любви не умирают...»	39
Розовая чайка	40
Отступничество	42
Измена	43
Я приду	44
Не сбудется	45
Кручина	46
Расставанье	48
Наважденье	49
Отражение	50
Черемуха	51
Разочарование	52
Поражение	54
Мысли	55
Отчуждение	56
Утраты	57
Первый снег	58
Сонет	59
Побег	60
Помнишь	61
Освобождение	62
Апрельские снега	63

Работы Татьяны Крюковой

(из коллекции автора) 65

Все в прошлом	97
Подари	98
Выздоровление	100
Пословица	101
Старый дом	102
Воспоминанья	104
«Я изменилась, будто надломилась...»	105
Кто виноват?	106
Ожидание	107
Милый друг	108
Потеря	110
Печаль	111
Бред	112
Ливень	113
Березы	114
Октябрь	115
Post scriptum	116
Ноябрь	117
Медовый месяц март	118
Свидание с лесом	119
Закат	122
Последняя встреча	124

КРЮКОВА Татьяна Ивановна

ПРОЩЕНИЕ

Книга стихов

Книга издана по заказу
управления культуры
администрации
Ханты-Мансийского автономного округа

Технический редактор Ю.Мандрика.
Корректор М. Дистанова.
Оператор ПЭВМ Н.Нохрина.

Сдано в набор 10.01.98 г.
Подписано в печать 10.06.98 г.
Формат 75x90/32. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага для ВХИ.
Усл.-печ. л. 5,0. Усл. кр.-отт. 8,75.
Тираж 1000. Заказ № 104.

Предприниматель Ю.Л. Мандрика
Лицензия ЛР №065834 от 23.04.98 г.

Адрес для переписки: 625002, г.Тюмень, а/я 5579.
Тел. (345-2) 25-12-84.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ИПП «Уральский рабочий».
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

X

73242004
Окружная библиотека

